

Илья Муромец и Скурлык

Как гора с горой да знаменуетцэ,
Не Скурлык в поле да подымаетцэ.
Как во то во поле да во Куликово,
Как во том во роздолье да во широкоё
Подымалась сила вора Скурлыка,
Подымаетця сорок зятевей, сорок шуринов,
Как на каждого зятя и на шурина
По три тмы да по три тысени.
Он писат ерлык, да скорограмотку,
Посылал он тут да в стольний Киев-град:
«Ты не прикаивай да не привязывай,
У дверей не спрашивай придверников,
У ворот не спрашивай приворотников,
Заходи во грини да княженецкия —
Как целом не бей да головой не гни,
Как клади ерлык на дубовой стол,
На дубовой стол — да сам прочь поди».
Он поехал тут да в стольней Киев-град,
Не прикаивал да не привязывал,
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Заходил во грини да кнеженецкия,
Как кладёт ерлык на дубовой стол,
На дубовой стол — да сам прочь пошёл.
Тут сидит старбй [в переднем углу],
Говорит ему таково слово:
«Это кто зашёл да необтёсанной,
Не обтёсанной, да необстроганной?
Как целом не бьёт да головой не гнёт,
Как ле глазища — да большие чашища,
Как ле ушища — да большие блюдчища,
А как ножища — больши кичижища,
А как ручища, как больши граблища,
Голова, как пивной котёл,
Как пивной котёл — сорока ведёр!»

За беду ему да показалосе,
За досадушку ему да за великую,
Как ле вон пошел, плечьми ободвери вывёртывал,
Повернуть хотел вверх дном хоромину.
Не сидел бы старой в переднем углу,
Повернул бы вверх дном всю хоромину.
Велел Олёше распечатывать.
Бросил он ерлык о дубовой стол,
Не мог он сломать печать татарскую.

Сам старóй взялся за ерлык и начал читать ерлык-скорограмотку. *(Хорошая старина-то, можно любоваться на неё, да вот не пел, забыл!)*

Солнышко князь просит старóго:

«Как стена моя да городовая,
Как заложечка да воротовая,
Пособи мне думу думати,
Со умом, со крепким разумом!» —
«Ты не с нами ныне думу думаёшь, —
Ты ле думаешь с боярами да с толстобрюхими!»
(Опять его просит:)

[«Как стена моя да городовая,
Как заложечка да воротовая,
Пособи мне думу думати,
Со умом, со крепким разумом!»
«Ты не с нами ныне думу думаёшь,
Ты ле думаёшь с боярами да с толстобрюхами!»]
(Опять третьей раз его просит:)

[«Как стена моя да городовая,
Как заложечка да воротовая,
Пособи мне думу думати,
Со умом, со крепким разумом!»]
Как берёт ерлык, да скорограмотку,
Как сломал ту печать татарскую,
Как читат ерлык, ту скорограмотку.
«Ох ты, солнышко Владимир-князь!
Вывози сорок сороков зеленá вина,
Вывози сорок сороков мёду-сахару,
Собирай нонече всех русских могучих богáтырей!»

Пили-гуляли они трое суток. Прохватились, — сила Скурлы обошла на округ их. Вот они одевались скорёшенько, умывались белёшенько; пошли в поле воевать, стали эту силу секчи. Силу всю эту превысекли. Были два брата Долгополых. Они похвастались: «Было бы в земле кольцо — всю бы землю перевернули. А была бы на небо лестница — всю небесную силу превысекли». Всё это войско повалилось, которые были пересечены на́двое — двое стали, а на́трое — трое. И давай снова эту силу рубить все русские могучие богатыри. Опять всю эту силу превысекли. Тогда эти два брата Долгополые, которые похвастались, после этой войны не оказались. Не оказались, после стали их искать — они под своими конями, под носами, лежат, мёртвые два.

(Зап. Астаховой А. М.: 6 июля 1929 г., д. Рощинский Ручей Усть-Цилемского р-на — от Поздеева Григория Васильевича, 45 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.